

Несколько человек одновременно подняли головы и поневоле изумились огромным размерам представшего перед ними поместья.

Резиденция Лоси имела кольцевую структуру: крытые галереи тянулись вереницей, а изогнутые концы крыш сходились друг с другом. Построенная у подножия горы, она живописно сочеталась с ласковой гладью воды; суровая твердыня гор и податливая мягкость вод оттеняли друг друга, образуя гармоничное зрелище. На юге от усадьбы расстилались туманные просторы, меняющие краски от раннего утра до закатных сумерек. У поместья было восемь входов, из которых главным являлся северный. Войдя через него и перекинув мостик через каменный поток, путники оказались внутри. По обе стороны тянулись извилистые крытые коридоры, меж которыми живописно чередовались невысокие холмы, груды камней и густые заросли буйного леса. Пройдя на юг по западной галерее, можно было увидеть древние деревья такой толпы, что их едва ли смогли бы обхватить несколько человек; их исполинские стволы подпирали небеса. В лунном свете они казались то пестрыми, то зловеще-мрачными. В самом же центре поместья находились два глубоких родника, раскинувшихся в диаметре более чем на тридцать чжанов и превратившихся в немаленькие озера. Они примыкали друг к другу, а разделял их изогнутый фигурный коридор.

Едва переступив порог, Гунсунь замер, а затем вышел обратно и окинул вход критическим взглядом. После этого он тихо произнес: — Эта резиденция Лоси спроектирована по законам восьми триграмм Фу-си.

Бай Юйтан усмехнулся: — Мелкие фокусы, не стоит тратить время на раздумья.

Гунсунь помедлил еще немного, прищурился и проговорил: — Похоже, в самом центре озера что-то есть...

Бай Юйтан небрежно бросил: — Это глаза инь и ян, сделанные из горных камней и деревьев.

Чжань Чжао стоял рядом с ними, разглядывая темнеющие посреди озера силуэты, и спросил: — Глаза инь и ян? Что это?

Не успел Гунсунь ответить, как Бай Юйтан пояснил: — Котенок, планировка этого озера подчинена форме диаграммы тайцзи и восьми триграмм. Извилистая галерея в центре разделяет две силы — инь и ян, которые также называют рыбами инь и ян. У белой рыбы в середине находится черный глаз, а у черной — белый. Это и есть глаза инь и ян, символизирующие извечный закон: в ян таится инь, а в инь зарождается ян.

Чжань Чжао протянул долгое «о» и с улыбкой посмотрел на Бай Юйтана: — А ты и впрямь многое знаешь.

Гунсунь мысленно выругался про себя: «Этот Крысеныш готов проявлять такую бесконечную терпение только с тобой. Спроси его кто-нибудь другой — он бы давно стер наглеца в порошок одним лишь взглядом».

— Сяо Линь, ступай скажи хозяину, что прибыли гости, — Старик Чжоу хлопнул по плечу стоявшего рядом мальчишку, веля ему бежать внутрь с докладом, а сам неспешно повел остальных вперед. Гунсунь, Бай Юйтан и Чжань Чжао шли совершенно непринужденно, чего нельзя было сказать о Бо Цзиньяне и его спутниках. Те продвигались вперед в смертельном страхе, поскольку Гунсунь заранее предупредил их: в резиденции Лоси повсюду расставлены смертоносные ловушки, и стоит оступиться хотя бы раз, как пути назад уже не будет. Хотите остаться в живых — идите след в след за теми, кто впереди... Так что каждый их шаг был по-настоящему ужасающим!

Гунсунь шел и внимательно озирался по сторонам. Из-за ночного времени озеро выглядело жутковато: в его черноте мерещилось, будто оттуда вот-вот что-то вынырнет. Не успели они сделать и нескольких шагов, как откуда-то раздался смех. От этого звука у Гунсуна по спине побежали мурашки. Взглянув на Чжань Чжао и Бай Юйтана, он заметил, что оба мгновенно насторожились и, нахмурившись, уставились на крышу неподалеку.

Проследив за их взглядом, Гунсунь увидел на темной крыше фигуру в черных одеждах. Из-за большого расстояния лицо рассмотреть не удавалось, но телосложение было стройным, хотя и не худым — из тех пропорциональных фигур, которым многие могли бы позавидовать. Заметив, что все устремили на него взоры, незнакомец внезапно произнес: — Ого, сколько же здесь народу!

С этими словами он применил легкие шаги и в одно мгновение слетел с карниза прямо к путникам. Его стремительное и грациозное боевое движение заставило всех на секунду замереть от восхищения: сразу стало понятно, что искусством цингун этот человек владеет безупречно.

Однако стоило ему опуститься перед ними, как уголки губ Бай Юйтана непроизвольно дернулись.

Чжань Чжао посмотрел на человека в черном, покосился на стоявшего рядом Бай Юйтана, а затем легонько толкнул его локтем и ошеломленно произнес: — Хоть темперамент у него совсем другой, но лицом вы невероятно похожи!

Бай Юйтан только собрался заговорить, как незнакомец в черном совершенно непринужденно шагнул к нему, обнял за плечи и с улыбкой произнес: — Юйтан, сколько лет прошло, а ты все хорошеешь! Похоже, воды и почвы Острова Провал в Пустоту и правда чудесны, раз взрастили такую красоту!

Чжань Чжао приподнял брови, гадая, какие же отношения связывают этого человека с Бай Юйтаном. Этот проклятый Крысеныш позволил кому-то закинуть руку себе на плечо — с каких это пор солнце стало вставать на западе?

Бай Юйтан бросил взгляд на выражение лица своего Котенка, почувствовал полное бессилие и обратился к незнакомцу: — Братец, ты что здесь делаешь?

Чжань Чжао вытаращил глаза: Братец?!

Услышав такое обращение, человек в черном, казалось, остался весьма доволен. Он кивнул и произнес: — Хороший мальчик, назови-ка меня так еще раз.

Бай Юйтан наконец вышел из себя: — Бай Цзинтань!

Незнакомец звонко рассмеялся. Сам-то он посмеялся, а вот окружающие люди буквально окаменели!

Бай Цзинтань? Этот человек — Бай Цзинтань?

Тот самый грозный глава Банды Елань?

Если заходила речь о Банде Елань, ее имя гремело повсеместно. Это была не обычная бродячая банда боевых искусств, вербующая учеников по всей реках и озерах, а мощная коммерческая организация, чьи интересы простирались как в чиновничьих кругах, так и среди простого народа, а главной целью было извлечение прибыли. Основным промыслом банды являлось судостроение. Каждый понимал, что после того, как Северная Сун перенесла свою столицу в Кайфэн, речные перевозки на юго-востоке и заморская торговля приобрели колоссальное значение. Корабли стали незаменимым средством передвижения, привлекая бесчисленных купцов, стремившихся вложить деньги в судостроение ради баснословных барышей.

Но как власти могли сидеть сложа руки и позволять такому лакомому кусочку ускользать в чужие руки? Поэтому они издали указы, жестко ограничивающие права частных мастерских. Частникам разрешалось строить лишь торговые и прогулочные суда, тогда как самые прибыльные речные транспортные корабли, крупные пассажирские судна, военные корабли и войсковые транспорты подлежали строительству исключительно на государственных верфях. Величие Банды Елань заключалось как раз в том, что она была единственным признанным императорским двором частным предприятием, имевшим право строить высокодоходные суда — речные транспорты, пассажирские и военные корабли. Иными словами, даже императорский двор заказывал и покупал суда у Банды Елань. Сверхприбыли от этого были настолько фантастическими, что от одной мысли о них у людей текли слюнки. Банда Елань уже несколько десятилетий вела дела с невероятным размахом, и ее главенствующее положение оставалось незыблемым — настолько прочным, что даже императорский двор был вынужден считаться с их мнением. Неудивительно, что многие говорили: сокровищница Банды Елань наверняка соперничает по богатству с целым государством, а имя ее главы стало синонимом живой легенды.

Впрочем, даже при всем этом Банда Елань пользовалась лишь громкой славой в народе, не вызывая столь пристального внимания мастеров Цзянху. Однако три года назад, после отставки прежнего главы Банды Елань по имени Бай Тяньцун, на арену вышел человек, в одночасье ставший самой обсуждаемой и ослепительной фигурой.

Звали его Бай Цзинтань, по фамилии Бай. Он был сыном Бай Тяньцюна — то есть нынешним главой Банды Елань!

<http://bllate.org/book/21923/2277666>